

Шали медленно освобождался от тягучей липкости сновидения. Вначале он увидел уголок окна, потом все окно, окрашенное в серый тяжеловесный цвет, потом стол и кровати, кровати...

Шали перевел взгляд на ближнюю кровать, где лежал тяжелораненый швед Соберг, и увидел, что он с головой укрылся белой простыней.

— С чего бы ему так укрываться? — подумал Шали. И тут же внезапно понял: Соберга больше нет. Есть его труп, который вот-вот должны унести санитары.

И действительно, почти тут же пришли два пожилых санитары в коричневых халатах, смахивающие на сирийских туркменов, и унесли Соберга на носилках.

— Вот и еще одного не стало. Хороший был волонтер, отзывчивый и смелый. На родине у него остались мать с младшей сестрой. Интересно, как сообщат о его гибели? Или никак? Странно, что Соберг никогда не говорил, есть ли у него девушка.

Запоздало почувствовался трупный запах. Шали подумал, что его не должно быть, прошла только ночь, как умер Соберг. Нервы ни к черту. Пора бросать эту горестную работу. Он все еще лежал на

кровати, думал о судьбе таких, как Соберг, о себе, о бесконечных жестоких войнах то там, то здесь, о деньгах, которые ему должны заплатить за ранение сверх положенных по контракту. Рана, признаться, была пустяковая, бывает и похуже, как у Соберга, но если предусмотрено, что за ранение в боевых условиях положено платить, то неважно, какое ранение: деньги на бочку.

Потом он стал думать о завтраке, что бы ему хотелось, как почти тут же подошла санитарка, укутанная в белый балахон, закрывающий всю ее, кроме глаз, по которым Шали понял, что ей вряд ли больше тридцати. Она сказала на скверном английском:

— Сэр, что вам принести?

— А что у вас есть?

В другой раз Шали перекинулся бы с ней фривольной шуткой, но сегодня, после того, как не стало Соберга, он был настроен мрачно. Санитарка назвала сок манго, рис и лепешки.

— Принеси сок и лепешку.

Едва она ушла, как пришла другая и стала перестилать кровать Соберга.

«Значит, — подумал Шали, — будет пополнение. Хорошо бы француз, а то я скоро разучусь говорить на родном языке».

К вечеру с помощью солдата-араба приковылял с забинтованной по самый пах ногой среднего роста блондин лет сорока. Шали подмывало спросить, откуда он, сразу же, как только он лег в постель, но это ему показалось неприличным, и Шали дождался ужина, когда им принесли по тарелке мжаддары и по несколько абрикосов.

— Откуда, приятель, занесло тебя сюда? — сказал Шали по-французски как можно деликатней, хотя он этому почти разучился.

Сосед ничего не ответил, и Шали повторил вопрос по-английски.

— Из Дери, — так частую наемники называли город Дерьа, — откуда же еще? — на плохом английском ответил сосед.

— Роберт, — протянул он руку Шали.

— Шали. Вы немец?

— Нет. Поляк из Кракова.

— А я думал, что вас привезли из Абу-Кемалья.

— Не люблю пустыню. Лучше сидеть на раскаленной сковороде, чем воевать в песках.

— Значит, вы из оппозиционных? Как же вас привезли сюда, в сирийский госпиталь?

— Так уж вышло, — грубовато ответил сосед и принялся за ужин.

Наскоро проглотив его, Роберт, как бы извиняясь за несдержанность, предложил:

— Давай, приятель, обращаться попроще. Мы же не вонючие дипломаты, чтобы строить из себя аристократов.

— Согласен, — улыбнулся Шали, — я тоже так думаю.

— Ты давно здесь?

— Десять дней. Обещают через пару недель поставить в строй. Рана так себе, но могло быть и хуже, если бы не повезло. Главное — осколок не задел сустав, хотя и вырвал из предплечья кусок мяса.

— Вот и у меня пуля прошла насквозь под самым задом. Если бы не большая потеря крови и потеря сознания, я вряд ли оказался бы здесь. Думаю, что со мной не будут долго возиться.

— Ну да. Здешние хирурги умеют латать дыры в теле и отрезать лиш-

ние части. А если что послужней, то отправляю долечиваться к Господу Богу, как шведа, который лежал на твоей кровати еще вчера.

Шали замолчал, устав от столь долгого разговора, да и Роберт был тоже не прочь помолчать.

Перед сном медсестры осмотрели их повязки, сделали уколы и заставили выпить какую-то горькую жидкость.

Ночь наступила мгновенно. Шали никак не мог привыкнуть к почти внезапному наступлению темноты. Вот, кажется, только что было еще светло, а через пятнадцать минут ночной мрак полностью поглощал окрестность. Как будто опускал кто-то черные небесные шторы. Жизнь практически замирала, особенно здесь, в госпитале, и только бесшумные тени медсестер да редкие стоны раненых нарушали ночной покой.

Шали лежал и думал, что делать дальше, когда он выйдет из госпиталя.

Гражданская война в Сирии затягивалась и становилась все кровавей. Увеличился поток беженцев из крупных городов, и помогать им переносить тяготы их неизбежного ухода из родных мест в соседние государства становилось все тяжелее и опаснее. Их толпы, где в основном были старики, женщины и дети, понуро идущие по дорогам пустыни с навьюченными животными или тележками со скарбом, бомбили и обстреливали оппозиционные войска.

Шали видел разорванных в клочья детей; старух, проклинающих убийц и тупо, бессмысленно глядящих себе под ноги седых стариков.

Когда он вступил в ряды волонтеров Международного Красного Креста, он попросил направить его в Сирию. В немалой степени Шали привлекало прошлое этой страны: и ее нахождение когда-то в составе Франции, и победы генерала Шарля де Голля в войне с фашистской Германией здесь, на полях Сирии, и непримиримость сирийцев к Израилю, захватившему Голанские высоты, и отношение правительства Асада к своему народу. Правда, последнее он узнал здесь от местных жителей. По закону им полагались бесплатное образование, медицинская помощь, и даже пенсия умершего главы семьи выплачивалась его жене — или детям, если жены не было. Шали сперва даже не поверил этому, но все оказалось правдой.

Ему нравились простые люди сирийцы, хоть курды, хоть арабские туркмены и черкесы, и армяне, и то, что в городах встречались католические храмы.

И все же видеть горе и смерть этих людей становилось совсем уже невмочь. В конце концов, всем не поможешь.

Он и так отдал этому два года, и теперь с чистой совестью может вернуться в свой родной город Гере, в родительский дом.

И если встретит хорошую девушку, то и женится. Денег должно хватить и на свадьбу, и на небольшое дельце в Лиможе.

Слава Богу, что ранение оказалось неопасным, но больше испытывать судьбу ему не хотелось. Уснул он с легкой душой и твердым решением вернуться во Францию.

Дня через два Шали и Роберт говорили между собой как старые приятели.

Роберт рассказал, что он еще во время службы в армии познакомился с ребятами, которые, уйдя в запас, через какую-то фирму в Кракове заключили контракты по оказанию военной помощи в странах Ближнего Востока. Деньги обещали хорошие, да еще сверхконтрактные за выполнение особых заданий.

— Они рекомендовали меня, и я был отправлен в Ливию инструктором. Сперва чуть не сдох от тоски, обучая тупых азиатов владению оружием. Но однажды напросился на особое задание. Я уже знал, что это такое. И после уже не мог жить без вылазок в тыл противника, засад, коротких схваток, когда перестаешь чувствовать страх, а кровь врага опьяняет и действует как наркотик. И убийство становится просто работой, как любая другая. И неважно, что иногда большая часть группы не возвращалась.

Ты жив, значит, победил.

У Роберта в глазах, когда он говорил об этом, поблескивали желтоватые точки, как бывает у собак, когда они рычат на чужого.

— Мне везло, — говорил он, — пока однажды в пылу боя не ранил случайно своего командира. Меня вернули инструкторы, а потом и вовсе предложили Сирию.

Я не представлял себе, что буду делать в Кракове, и согласился пойти в оппозиционную армию наемником. Постепенно азарт боя вернулся ко мне, и все стало о'кей, как говорят наши друзья американцы.

Шали не понимал, шутит Роберт или нет, и осторожно спросил:

— Ты разве не видел, кого вы убиваете? Ты не видел разорванных минами детей и обезображенных женщин? Разве это может опьянять?

— Война есть война, а я просто солдат.

Шали, который насмотрелся этих ужасов, не стал продолжать разговор.

И в дальнейшем, по молчаливому согласию, они избегали разговоров о войне. И все же однажды Шали сказал, как бы между прочим, что он признает участие только в справедливых войнах.

Через неделю им разрешили выходить на прогулку в прилегающий к госпиталю сад — уголок Гуты, зеленого пояса вокруг Дамаска. И всегда на небольшом отдалении маячил солдат регулярной армии.

Немного пройдемся по аллее, Шали и Роберт садились на скамью в тени оливкового дерева и рассказывали о своей жизни на родине, но чаще молчали, думая каждый о своем.

Во время очередного молчания Шали спросил однажды:

— Ты умеешь созерцать мир?

— Что это такое? Я вижу: вот дерево, вот идет человек; там, дальше, госпиталь, трава и цветы на газонах... А созерцать... Я и слова такого не знаю.

— Учитель Ашур мне говорил: «Тот, кто не умеет созерцать мир, тот живет напрасно».

Я с ним познакомился здесь, в Сирии, когда мы несколько дней жили в небольшой деревне, ожидая колонну с продовольствием.

Вот, посмотри: на скамье лежит каштан. Вглядишься в него, отмечая, какого он цвета, формы, что у него есть трещинка. Затем переведи взгляд на ствол оливкового дерева, и ты найдешь на нем похожие трещинки, и цвет, а после посмотри на тропинку, что уходит от скамьи налево, и на ней будет что-нибудь общее с каштаном и деревом. Постепенно переходя с одного на другое, ты увидишь их общность. Мир неделим. Он принадлежит всем: каштану, дереву, тропинке, тебе... И ты в нем, как часть целого, которое нельзя разрушить, не повредив себе.

Роберт рассмеялся:

— Большой фантазер твой учитель Ашур. Если я займусь этим самым созерцанием, то меня тут же укукошит какой-нибудь расторопный араб.

Может быть с девушкой на природе и можно этим заняться, если другого не умеешь делать.

Шали не стал защищать учителя, а продолжал с той же убежденностью в истине его слов:

— И еще говорил учитель Ашур, что время к нам приходит из прошлого, и тот, кто умеет понимать знаки, которые оно посылает нам, тот владеет будущим.

Нельзя клясть прошлое, чтобы тебя не прокляло будущее. И нужно его знать и помнить. Вот, например, ты помнишь своих предков?

— Каких предков? Отца и мать?

— Ну, их-то, я надеюсь, ты помнишь. А деда, прадеда, прапрадеда? Как они жили, чем занимались, где их могилы

— Слушай, Шали. Какая муха тебя укусила, или этот Ашур зашаманил? От этих азиатов всего можно ожидать.

Роберт поднялся со скамьи, потирая зажившую почти рану.

— Давай лучше пройдемся. Это полезнее, чем говорить о могилах предков.

— Как знаешь, — Шали не скрывал легкой обиды на поляка. — Неплохо бы знать, посмотреть хотя бы на те места, где похоронен твой прапрадед. Может это помогло бы лучше понять настоящее?

...Прошла еще неделя. Врач, осматривая рану Шали, сказал что-то на сирийском и улыбнулся, похлопав по розоватому шраму на предплечье. А часа через два пришла женщина-представительница Красного Креста, и почти официальным тоном сказала, что лечение благополучно завершено и Шали может вернуться в свою группу или домой, во Францию.

— Мадам, я много думал о том, куда мне возвращаться, и решил, что мне не помешает небольшой отдых на родине.

Женщина сочувственно улыбнулась, взгляд потеплел, однако тон разговора не потерял своей строгости:

— Я так и предполагала. Вы, должно быть, устали от войны. Это естественно. Поэтому я приготовила для вас все необходимые документы. Правда, самолеты в Европу летают крайне нерегулярно, можно долго прождать случая. А вот в Москву летают почаще. Подумайте, как вам поступить.

— Спасибо, мадам. Я подумаю.

Женщина передала Шали пакет с документами и величественно удалась в сопровождении медсестры.

После отбоя приятели долго не могли уснуть, ворочаясь и вздыхая, но почти не разговаривали, думая о предстоящих проблемах.

Шали, в конце концов, решил лететь в Москву, и главной причиной этого выбора было желание посмотреть на те места, где воевал и погиб его знаменитый прапрадед, командир полка императорской армии Наполеона Бонапарта. Слова учителя Ашура о влиянии прошлого на будущее запали в душу Шали и то и дело вновь и вновь занимали его мысли.

«Нет, — решил он, — я все-таки должен увидеть те места, где покоятся косточки моего предка». И тут же ругал себя: что я привязался именно к нему? Разве мало других на кладбищах Франции? И все же он не мог освободиться от странного предчувствия, что эта поездка повлияет на его дальнейшую судьбу.

У Роберта обстояло все проще: сирийский офицер сообщил ему, что если он подпишет клятвенное обещание не воевать против Сирии, его

просто депортируют из страны. Если же он такого обещания не даст, то его поместят в тюрьму как военнопленного.

Выбора не было. Конечно, свобода. И Роберт зло добавил:

— И пошла она к черту, проклятая война!

При прощании он сказал Шали:

— Значит, по домам. Прощай, оружие! Как сказал один любитель острых ощущений. Ну а ты что решил?

— Не знаю. Но скорее всего я поеду посмотреть, где покоятся косточки моего предка. В Москву. А там разберусь.

Роберт от неожиданности свистнул:

— Знаешь, если бы я занялся такими поисками, то мне пришлось бы обшарить пол-России и в придачу часть Европы. Мои предки только и делали, что воевали, и в основном с Россией. Так что желаю удачи. Не мешало бы нам, Шали, выпить на прощанье хотя бы араки. О виски я уже изрядно подзабыл.

— Да, — отозвался Шали, — я тоже не прочь выпить чего-нибудь покрепче. Все-таки госпиталь лечит не только тело, но и душу. И может быть, мы еще встретимся как старые приятели за столиком уютного рестораника.

— Вряд ли. Я не могу тебе этого обещать, хотя ты и хороший парень, и пришелся мне по душе. Но жизнь, Шали, гениальный комик, и не знаешь, что она выкинет.

На том и расстались два человека, выбравших совершенно разные пути и, тем не менее, связанных общей судьбой живущих на Земле.

2

В московском аэропорту Шали встретила высокая длинноволосая девушка в легкой курточке, которая держала в руках картонку с его фамилией.

Они познакомились, и Шали узнал, что Ольга представляет Красный Крест России, который входит в Международный Комитет Красного Креста. Ольга сказала, что их предупредили из Дамаска и попросили помочь французскому волонтеру в его розысках.

Машину вела сама Ольга и попутно рассказывала о Москве и ее достопримечательностях. Стояла прохладная, тихая осенняя погода, но даже сплошная облачность не могла приглушить краски своеобразной красоты старой Москвы. Временами они попадали в плотный поток машин и двигались не быстрее пешехода.

«Совсем как в Париже после рабочего дня, — подумал Шали. — И вообще, есть что-то общее в больших городах».

Гостиница оказалась вполне приличной, с информационными указателями на двух языках — русском и английском, и это помогло Шали ориентироваться и после отъезда Ольги. Перед уходом она сказала, что утром за ним приедут, а сегодня надо отдохнуть с дороги.

Шали поужинал в ресторане, разменяв доллары на рубли, принял душ и блаженно окунулся в прохладную свежесть просторной постели.

Утром его разбудил телефонный звонок, и молодая женщина сказала на французском, что через час приедет машина, чтобы привезти его в офис Красного Креста, где и будет составлена программа его пребывания в Москве.

Шали подумал, что часа будет, наверно, мало для сборов. К тому

же ему хотелось купить что-нибудь потеплее его рубашки и свитера. На улице было вряд ли больше +10°C. Это не Дамаск, где хватало одной рубашки.

И действительно, душ и легкий завтрак в ресторане заняли почти час.

Едва он вернулся в номер, как снова позвонили, теперь уже молодая женщина, и сказала, что на стоянке гостиницы его ждет темно-синяя «Тойота» с номером А50599.

На этот раз в машине были водитель и девушка, которая говорила на английском похуже Ольги.

Шали пошутил, что Ольга вчера, наверно, устала от него и от работы одновременно водителем и экскурсоводом.

— Нет, просто у нее другие дела. А меня зовут Настей, и я буду сопровождать вас в поездках. Водителя зовут Алексеем, можно просто Леша, он еще молодой.

Леша повернулся вполоборота и улыбнулся, сказав что-то по-русски.

До офиса добрались быстро, и Настя провела Шали в просторный кабинет, в котором за большим письменным столом, уставленным экранами, какими-то безделушками и стопками папок и бумаг, сидела пожилая женщина, очень просто и строго одетая. Она поднялась навстречу Шали и мило, по-домашнему, поздоровалась на французском.

— Ко мне будете обращаться мадам Мария Викторовна или просто мадам Мария.

Потом были вопросы: как долетели, как чувствуете себя, не беспокоит ли рана, хорошо ли устроились в гостинице, не холодно ли вам в Москве, все-таки уже осень. Без теплой одежды не обойтись, а на вас только рубашка и свитер. Надо утепляться. Не нужна ли помощь в денежном вопросе и не хотите ли позвонить родным?

Шали был в растерянности от такого внимания к себе. Может быть, не за того принимают? Он просто волонтер — добровольный помощник несчастным жертвам войны. Нигде такого внимания к себе он не встречал.

— Итак, мсье Шали, какие ваши планы? — спросила Мария Викторовна. — Мне сказали, что в 1812 году ваш предок воевал в составе наполеоновской армии.

— Да, мадам Мария. Я понимаю, что места захоронения не найти, но в нашем роду говорили, что он погиб в большом сражении под Москвой, на каком-то поле. Мне бы хотелось увидеть это поле. И больше ничего. Я расскажу дома, что там сейчас.

— Я думаю, что это Бородинское поле. Там действительно было самое большое сражение той войны. И оно недалеко от Москвы. Мы дадим вам машину с водителем и экскурсоводом, и вы сможете увидеть место, где погиб ваш предок. Кроме того, я бы рекомендовала посетить Бородинскую панораму в Москве. Там вы, может быть, увидите своего предка с саблей в руках.

— Нет, мадам Мария, он был артиллеристом.

— Ну, это неважно. Теперь давайте решать проблемы, о которых я вам сказала.

Когда они уже заканчивали разговор, в кабинет вошла молодая женщина, сразу обратившая внимание на Шали. Ее правая бровь вопросительно поднялась, глаза приняли округлую форму и матово засветились. Она прервала фразу, с которой вошла в кабинет, и только после короткого молчания снова продолжила ее.

Шали ничего не понимал и только глупо улыбался, глядя на женщину.

Мария Викторовна лукаво посмотрела на вошедшую.

— Что же ты стоишь? Садись рядом с мсье Шали, он только вчера прилетел из Дамаска. Знакомьтесь, — она повела взглядом на женщину, — это наша спасительница детей в Донецке, где сейчас идут бои. Она привезла тяжелораненых в Москву на лечение и скоро опять улетает в Донецк.

Шали протянул руку и представился, задержав слегка руку женщины. Она ответила по-французски:

— Очень приятно. Меня зовут Татьяной.

— Я чрезвычайно рад, мадам, нашему знакомству, очень рад, — несколько раз повторил Шали.

— Мадемуазель, мсье Шали. Увы, так.

— Я рад еще больше, — смутился француз.

Татьяна обратилась к Марии Викторовне, и они стали говорить о чем-то по-русски.

Шали продолжал сидеть, не в силах уйти от этой удивительной мадемуазель с темно-голубыми глазами и стройной фигурой, которая угадывалась под ее удлиненным плащом.

Мария Викторовна, закончив разговор с Татьяной, снова обратилась к Шали.

— Мы обо всем договорились. Если будут вопросы, обращайтесь ко мне, — она протянула визитку, — а сейчас отправляйтесь во французское консульство, а потом... словом, Настя вам поможет в ваших делах. До свидания!

— До свидания, мадам Мария! Я вам очень благодарен за внимание, за...

Шали не знал, как принято у русских благодарить, и закончил шаблонными словами:

— За ваши советы, за помощь...

Он вышел в приемную. И только тогда Мария Викторовна вполголоса сказала Татьяне:

— Смотри, девочка! Будь осторожней. Эти французы известные ловеласы.

— Что вы, Мария Викторовна, с чего вы взяли?

— Да уж взяла. Ну, иди. У тебя еще много дел. А в Минздрав я позвоню. Все будет улажено.

Шали как будто ждал Татьяну, сразу же подошел к ней и стал рассылаться в любезностях:

— Вы так хорошо говорите по-французски, мадемуазель Татьяна. Вы учились или жили во Франции?

— Нет. Я изучала французский язык в институте, а потом с помощью Марии Викторовны. В Донецк я напросилась волонтером, чтобы помогать раненым детям. Вы слышали о Донецке?

Шали как будто вдруг вернулся на развалины дома в сирийском Абу-Кемале, где лежали трупы четверых детей, изуродованных взрывом мины. Он впервые тогда произнес проклятие убийцам, обратив искаженное гневом лицо к небу. И сейчас после слов Татьяны дрожь охватила его, и он не смог сразу ответить на ее вопрос:

— Что с вами?

Наконец, успокоив себя, он коротко ответил:

— Так, ничего. Воспоминания.

Пошла Настя.

— Мсье Шали, вы готовы ехать?

— Да. Только еще минуточку, и я буду у машины.

Он снова обратился к Татьяне, смущенно улыбаясь, как будто в чем-то провинился перед ней.

— Я бы очень хотел увидеться с вами. Может быть, вы покажете мне панораму? Или мы поужинаем сегодня вместе? Не бросайте меня одного в Москве.

Татьяна ответила подчеркнуто сухо:

— Во-первых, у вас есть Настя. А во-вторых, сегодня у меня много дел, а завтра не знаю, как сложится. Позвоните. У Насти есть мой телефон.

Шали не мог, не хотел остаться в неопределенности.

— А где вы остановились, мадемуазель Татьяна? Наверно, у друзей, у вас их так много.

Татьяна улыбнулась, поняв уловку Шали, но не стала изменять своему правилу: говорить всегда правду.

— Друзей у меня, как видимо, и у всех людей, немного. Но чтобы не стеснять их, я остановилась в гостинице. — И машинально произнесла название отеля.

— Я тоже там проживаю, — обрадовался Шали. — Это знак судьбы. В это нельзя не верить. Вы согласны?

— Не знаю. Это сложный вопрос. До свидания, мсье Шали. Вас ждут. Мой номер в гостинице 512.

И она пошла по коридору в противоположную сторону от выхода.

...В машине, пробирающейся к французскому консульству, Шали спросил Настю:

— У вас все говорят на каком-нибудь иностранном языке. Я такого еще не встречал.

— Что вы, мсье Шали! Это большая редкость даже в Москве. Просто в нашей организации часто приходится работать с иностранцами, поэтому подбирают таких людей. А Мария Викторовна вообще свободно владеет пятью языками.

— Значит, мне просто повезло. Это тоже хороший знак, правда? — и он весело рассмеялся.

В консульстве довольно долго расспрашивали Шали о Сирии, как он туда попал, в какой группе Красного Креста работал, просили назвать несколько фамилий, и какие у него дальнейшие планы. Потом попросили подождать в соседней комнате.

Минут через сорок ему вручили временное удостоверение сотрудника консульства и пластиковую банковскую карточку.

— Надеемся, это поможет вам передвигаться без больших затруднений. Как только решите ваши проблемы, зайдите к нам сдать удостоверение и получить билет на родину, по которой, думаем, вы соскучились.

— Все, теперь я вольная птица на целых две недели, — сказал он Насте. — Теперь едем в панораму.

Машина вначале петляла по узким улочкам центра Москвы, но потом выехала на просторный проспект с красивыми домами и вскоре остановилась у круглого здания на небольшой площади, посреди которой возвышался памятник фельдмаршалу Кутузову.

Они вошли внутрь, и Шали сразу почувствовал приглушенную торжественность, исходящую почти от всего: молчаливо-приветливых слу-

жащих панорамами, старых картин на стенах, старинной мебели, лестничных маршей... После прохода через контроль Настя увлекла Шали в правую часть первого этажа, где висели картины батальных сцен, портреты людей эпохи Александра I, образцы оружия, амуниции солдат и генералов, предметы быта...

Шали привлекли портреты Кутузова, Наполеона и Александра I.

Настя рассказывала обо всем, но Шали торопился увидеть скорее панораму самого сражения, и они поднялись на смотровую площадку.

Шали остолбенел. Вокруг него раскинулись сцены знаменитого сражения — шли в атаку или отбивались пехотные полки, летели всадники с поднятыми саблями, стояли в ряд пушки, горела изба почти у его ног, горопились штабисты с донесениями, то там, то здесь шли рукопашные схватки, а вдаль темнел лес, и свинцовым блеском светилась вода небольшой речки.

— Я ничего подобного не видел, — наконец тихо произнес он, глядя на Настю. — Расскажите мне, что это такое и где французская армия, где русские, и чем закончилось это сражение?

Настя подозвала дежурного сотрудника музея и объяснила ему, что хочет узнать мсье из Франции.

Настя переводила рассказ пожилой, опрятно одетой в подобие формы музейного работника, женщины, которая переносила огонек лазерной указки с одного места на другое, и сама, не отрываясь, смотрела на грандиозную картину Бородинского сражения.

— А что это за всадники, — спросила Настя, — со странными головными уборами?

— Польская дивизия легкой кавалерии. Она воевала в составе французских войск.

Настя перевела Шали, и он вдруг рассмеялся:

— Один поляк говорил мне, что они всегда воевали с Россией. Видел бы Роберт своих предков, и чем это закончилось для них. А где стоит французская армия?

Красное пятнышко указки уткнулось в ряд пушек за оврагом, и около одной, только что выстрелившей, судя по дымному облачку около пушки, Шали увидел офицера, который мог быть его прапрадедом, полковником, погибшим в этом сражении.

Странное чувство охватило Шали: с одной стороны, гордость за соплеменников, одержавших в этой битве пусть Пиррову, как говорят, но победу, а с другой — вину за развязанную Наполеоном нелепую, несправедливую войну с Россией, закончившуюся крахом Франции. Его предок выполнил до конца свой долг офицера, но ради чего он погиб?

Обо всем этом Шали думал, возвращаясь в гостиницу. Но едва он вошел в номер, как другая мысль — о Татьяне — вытеснила все другие.

Было шесть часов вечера. В справочнике Шали нашел телефон номера Татьяны, но решил, что звонить еще рано, вряд ли она вернулась в гостиницу.

Он включил телевизор. На одной из программ показывали разрушенные дома, убитых людей и труп девочки, сжимавшей в руках куклу. Он не понимал, что говорит ведущий программы, что отвечают ему, но по различным признакам понял, что показывают войну в Донцке. Шали смотрел и думал, что война имеет везде одно и то же лицо: горе и смерть, разрушения и отчаяние написаны на нем. А гражданская война умножает трагедии и бессмысленность жертв. Он видел вплотную лицо граждан-

ской войны, искаженное злобой и ненавистью к своим ближним. Он продолжал смотреть эту программу, надеясь, что покажут волонтеров, спасающих детей.

Так прошло почти два часа. На всякий случай он все-таки позвонил в 512 номер.

К его радости Татьяна уже вернулась, и после короткого раздумья, согласилась пойти поужинать в ресторан с Шали.

Потом, через много дней, в состоянии невесомости между жизнью и небытием он в минуты просветления сознания будет видеть именно эти мгновения: вот открываются двери лифта, и она выходит, в нарядном длинном платье с широкими рукавами, делает шаг, потом другой и еще несколько шагов, у нее строгое выражение глаз, и только в глубине их светятся радужные искорки, она протягивает руку, на которой нет никаких украшений, и только тогда улыбается и говорит:

— Здравствуй, Шали!

Именно так, а не мсье Шали. Потом берет его под руку, и они медленно идут по огромному вестибюлю, и на них смотрят, пока они не входят в двери, над которой сияет зеленым светом слово «ресторан».

Когда они сидели за столиком и говорили, и спрашивали друг друга, и рассказывали о себе, Шали потерял ощущение времени. Все слилось в один чувственный поток блаженства, в котором каждое слово и каждый взгляд имели тайное значение, и понять его можно было только сердцем, но не разумом. Этот поток выносил их иногда на берег реальности, где они обретали способность обсуждать, что будет завтра и потом, но поток снова подхватывал их и уносил в водоворот необъяснимых чувств.

...Выйдя из ресторана, они расположились в удобных креслах вестибюля, и Шали снова вернулся к планам на ближайшие дни:

— Завтра я поеду на Бородинское поле. Ты действительно не сможешь поехать со мной?

— Нет, не смогу. Мне многое нужно успеть сделать завтра, чтобы выехать послезавтра в Донецк.

— Пусть так, но я поеду с тобой.

— Это невозможно. Я не могу взять на себя ответственность за твою безопасность. К тому же тебя просто не пустят на пункте пограничного контроля.

— У меня удостоверение сотрудника консульства. Вот посмотри! Ведь ты говорила, что там есть французы среди представителей Совета Европы.

— Да, есть. Но они прошли регистрацию как официальные наблюдатели.

— Я уверен, что договорюсь с пограничниками. Я должен увидеть своими глазами, что происходит в Донецке. И мне страшно за тебя. Я обязательно поеду с тобой.

— Нет, Шали. Я не могу взять тебя.

— Тогда я поеду один.

И они снова и снова убеждали друг друга каждый в своей правоте.

Наконец, Татьяна сказала:

— Уже поздно. Я устала и пойду в номер. Перед завтра нужно отдохнуть. И тебе тоже.

Шали проводил ее, но зайти в номер она не разрешила.

Придя к себе, Шали позвонил ей:

— Спокойной ночи, любимая!

— Спокойной ночи, Шали!

...Утром машина пришла рано, в девять часов, и Настя позвонила:

— Мсье Шали, вы готовы ехать в Бородино?

— Я готов ехать хоть на край света, лететь на Луну, на Марс и даже дальше, — Шали не хотел скрывать своего хорошего настроения, которое, черт возьми, не так уж часто было у него за последние пару лет.

Дорога показалась недолгой, с неожиданными впечатлениями, начиная от состояния дорожного покрытия, которое, вопреки распространенному мнению, было не хуже, чем в Европе, и кончая видом многочисленных коттеджей, назойливо бросающихся в глаза показной роскошью и архитектурным кичем.

Но более всего неожиданным оказалось само Бородинское поле. Зажатое между жилыми постройками и лесом, в переплетении дорог и дорожек, оно походило на связанного пленника.

Шали смотрел на знаменитое место, где сошлись в смертельной схватке две самые великие армии начала девятнадцатого века, и странное чувство охватило его: ему показалось, что он уже был здесь, но тогда поле было другим, больше похожим на то, которое предстало на панораме. Он мысленно убрал дороги и постройки, заполонившие поле, наполнил мутной, с красными пятнами водой русло речки, и поле ожило в его памяти орудийным грохотом, взрывами и свистом ядер, истошными криками и ржанием коней, ружейными залпами и дымом.

Задвигались какие-то большие и малые серые тени, и он ощутил горьковато-приторный запах и вязкий солоноватый привкус во рту.

Да, он был здесь. Если подойти вон к тому бугру, то там будет траншея и бруствер, за которым стояли орудия. В этом чувстве ирреальности он забыл, зачем приехал сюда. Голос Насти прозвучал будто из другого мира:

— Мсье Шали! Вы, наверно, устали и не слушаете меня.

Он очнулся и отрешенно ответил:

— Да, Настя. Я слушаю прошлое.

— Подойдите, я покажу памятник французским солдатам.

Но сначала они подошли к величественному памятнику русским воинам, павшим за Отечество, обошли более скромные в память о сражавшихся здесь полках, батареях, и только потом подошли к невысокой стеле, увенчанной одноглавым орлом, на которой была надпись на французском языке «Мертвым великой армии».

Шали снова погрузился в раздумье. Учитель Ашур говорил, что наша душа приходит в родившуюся плоть с памятью о прежней нашей жизни. Но только очень редко, может быть, всего несколько раз, в новой жизни она приоткрывает окошечко в жизнь прошлую, чтобы человек осознал что-то важное в своей судьбе и исправил ее во спасение своей души.

Не случайно у многих народов существуют особые дни посещения могил предков, когда их души, по преданию, наиболее открыты для духовного общения с живыми.

И еще говорил учитель Ашур, что души умерших обитают вблизи праха своей плоти до самого Судного дня, когда и решится их участь. Если они видят человека, родного им по крови, то приближаются к нему, принимая вид живых существ — птиц, бабочек, жуков, пчел... И тогда передается человеку наследственная аура через энергетические флюиды этих существ.

Может быть, он забыл какие-нибудь подробности, но суть, кажется, такова.

Шали стал вглядываться во все, что его окружало, и увидел странную птицу, похожую на воробья, но немного крупнее и с более длинным клювом. Она порхала вблизи него и то улетала, то вновь приближалась, издавая слабое попискивание.

Шали заметил, что она улетала в одно и то же место, где рос небольшой кустик, и как будто звала его к нему.

— Извините, Настя, я сейчас вернусь.

Он подошел к этому кустику, и птица защелкала громче, кружась буквально рядом. Он почувствовал в ее голосе какую-то тревогу и предостережение. Непроизвольно это сказалось на его настроении, и, подойдя к Насте, Шали сказал, что он уже все посмотрел и можно возвращаться в Москву. Но если найдется поблизости ресторан, то хорошо бы вместе пообедать.

Миновав пару придорожных кафе, они свернули в сторону Можайска и вскоре остановились у ресторана.

Шали попросил Настю и водителя заказывать все, что им хочется, себе же заказал овощной салат, красную икру, стейк семги и двести граммов водки.

Он заставил себя говорить с Настей о Бородинском поле, о дорогах, о Москве, хотя с удовольствием бы помолчал и подумал о том, что же с ним произошло на месте сражения французов и русских, о чем тревожилась птица и почему на обелиске написано «Мертвым великой армии», а не погибшим?

Водка мало-помалу вернула утреннее настроение, особенно при мысли, что вечером он увидит Татьяну. По дороге в Москву Шали попросил остановиться у цветочного киоска и купил Насте большой букет роз. Хотел было купить и для Татьяны, но вовремя вспомнил мужскую заповедь: никогда не покупать подарки для одной женщины в присутствии другой.

— Это вам, Настя, от всего сердца. Спасибо вам за помощь, за терпение к моим чудачествам. Спасибо!

У гостиницы они попрощались, и Шали сказал, что завтра он, видимо, уедет из Москвы, а мадам Марии позвонит или приедет попрощаться, если позволит время.

— Она так много сделала для меня!

Было уже полшестого, когда он вошел в номер. Решил, что звонить Татьяне еще рано, и прилег на диван. Водка все-таки действовала. Очнулся Шали ото сна только в восемь вечера и сразу позвонил в 512 номер. Татьяна не отвечала. Он позвонил через пятнадцать минут, потом снова, но телефон молчал. Постучали в дверь. Шали торопливо открыл ее, но на пороге стоял посыльный. Он передал конверт, на котором по-французски было написано его имя.

Татьяна в тот день, когда Шали уехал на Бородинское поле, занялась оформлением документов на выделенную для Донецка машину реанимационной помощи. В ней крайне нуждались дети, тяжелораненые ополченцы и просто жители провозглашенных на востоке Украины республик. По договоренности с Минздравом (спасибо Марии Викторовне) к машине было прикомандирована бригада опытных врачей. Реанимобиль был оснащен современным медицинским оборудованием и позволял производить в нем сложные операции, которые невозможно было сделать в условиях полуразрушенных больниц Донецка.

Сперва предполагалось, что два врача поедут на этой машине, но потом один из них отказался, присоединившись к коллегам, летевшим на самолете.

Мария Викторовна предложила Татьяне ехать вместо него. Отъезд машины был намечен на четыре часа вечера. Татьяна едва успела собраться и написать короткую записку Шали:

«Дорогой Шали! Я срочно выезжаю в Донецк на автомашине. Прости, но дожидаться тебя не смогу. Может быть, это к лучшему? Ты же веришь в судьбу. Оставь свои координаты Марии Викторовне. Я найду тебя. Татьяна.»

Из Москвы выехали еще засветло, но за пределами Московской области машина окунулась в ночь, и Татьяна напряженно вглядывалась в дорогу. Она не любила ночные поездки на автомашине, особенно дальние.

В памяти осталась трагедия семьи студента, с которым она дружила, когда их машина ночью столкнулась лоб в лоб с трайлером. Все они погибли, и Татьяна надолго замкнулась в себе, не принимая ухаживаний мужчин.

Всю дорогу до Ростова она не сомкнула глаз, поэтому в первой же гостинице сняла одноместный номер, приняла душ и легла спать. Через три часа послушный заданному режиму организм освободился ото сна, а еще через час Татьяна была уже в офисе Красного Креста, где ее ждал реанимобиль.

В Донецк отправились под вечер, загрузив машину лекарствами и перевязочным материалом. Все это делалось оперативно, без лишних формальностей, в ритме военного времени, к которому Татьяна успела привыкнуть за последние полгода.

Она ловила себя на мысли, что часто забывает, что она женщина, ее не смущают мужская форменная одежда, грубый военный жаргон, случайные места ночевки и даже попытки мужчин добиться близости.

Наследственные гены (отец был командиром эсминца, а мать — спортсменкой), занятия фехтованием, в котором она стала мастером спорта, настойчивые усилия поступить в медицинский и вот уже полтора года работы в Красном Кресте после окончания Первого медицинского института закалили ее характер и создали свою шкалу ценностей.

В институте Татьяна продолжила изучение французского языка, начатое в школе, в чем ей помогло общение с франкоговорящими студентами из стран Ближнего Востока. И потом, когда она пришла работать в Красный Крест, ее просили быть переводчицей при встречах с представителями Франции. Командировки в Ливию, Сербию, Палестину, где она была в составе делегации российского Красного Креста, обострили ее болевое восприятие человеческих трагедий, горе и страдания людей заслонили личные интересы, и она полностью отдалась работе. Когда началась война в Донбассе, она, не раздумывая, напросилась поехать туда волонтером помогать попавшим в беду.

Все это отодвинуло в лучшие времена поездку домой, к родителям в Мурманск, и тем более традиционный отдых на море.

Встреча с Шали в кабинете Марии Викторовны пробудила в ней давно забытое чувство интереса к мужчине.

Что-то было в нем необычное, незнакомое для ее понимания чувственных отношений, что отзывалось приятным беспокойством в сердце. Может быть, его простодушная улыбка или вопросительный открытый взгляд, или что-то другое заставило ее по-особенному посмотреть на не-

знакомомо француза. Дальнейшее общение с ним только усилило желание узнать его ближе и видеть, и чувствовать его внимание к ней как к женщине.

И все же, когда Мария Викторовна предложила ехать в Донецк на реанимобиле, что исключало встречу с Шали, она почти без колебаний ответила согласием.

«Пусть будет как судьбе угодно», — подумала она, изменив собственному правилу полагаться только на себя. И лишь в записке Шали оставила чуть приоткрытой возможность продления дальнейших отношений.

...Донецк встретил разрушенными домами, почти безлюдными улицами и торопливо идущими редкими прохожими. Взгляды их были настороженными, если не сказать испуганными. Ближе к центру города, на Университетской улице, людей было больше, среди них выделялись ополченцы с автоматами и даже с охотничьими ружьями. Здесь люди выглядели более спокойными и решительными.

Работали магазины, ходили трамваи, троллейбусы, но не было привычного шума и людской суеты, не было того хаотичного ритма, свойственного большим городам. Донецк дышал тревожным, прерывистым дыханием, как больной человек, ожидающий врачебной помощи.

Татьяна зашла в свой офис в административном здании, где работали еще три человека — волонтеры, двое из России и один из Харькова. Они обступили ее:

— Танечка, с возвращением! Какие новости привезла?

Она рассказала о реанимобиле, о лекарствах, о том, что скоро приедет колонна с гуманитарным грузом, о Москве и встрече с Марией Викторовной...

— Какие у вас планы на завтра?

— Какие тут планы! Работаем по звонкам, по вызовам, по взрывам, по пожарам... В Путиловском районе опять большие разрушения от обстрелов из аэропорта. Люди гибнут, горят в домах — смотреть страшно. Да ты все сама знаешь. Ты скажи, русские придут защитить нас от этих фашистов?

Татьяна смотрела на двоих ребят, каждому из которых было не больше двадцати пяти лет, и девушку лет двадцати и думала, что их привело сюда, где они рискуют жизнью, не получая каких-то больших денег или выгод? У каждого из них есть видимые причины, как например, у этого парня из Харькова, Стаса, у которого старший брат со своей семьей — женой и двумя детьми — были убиты в собственном доме в Славянске. Но сколько таких трагедий сделало из несчастных людей покорных и безвольных перед силой обстоятельств, неспособных понять истинные причины зла и проклинающих порой своих защитников! Но основная часть населения двух непокорных республик делила с ополченцами и добровольными защитниками все тяготы борьбы за достойную жизнь на своей земле. Они терпеливо переносили разрушение своих жилищ и гибель близких от непрерывных обстрелов войсками новой киевской власти.

Татьяна видела, как они ютились в подвалах многоэтажек в крайне стесненных условиях, без бытовых удобств, помогая друг другу и поддерживая в беде. Старики, женщины, дети находили какие-то неведомые силы и терпение переносить свалившиеся на них горе и потери почти все-го, что нажили за долгие годы.

...Предложив разъехаться по домам и отдохнуть до утра, Татьяна отправилась в свою комнатку, которую она снимала у одинокой женщи-

ны, Нины Павловны, живущей почти в центре в семиэтажном доме, в трехкомнатной квартире. Муж Нины Павловны, шахтер, погиб в шахте в 2002 году, а дочь после замужества жила в Изюме, работая на опытно-механическом заводе. Но в девяностых завод прекратил существование, и дочь с мужем перебивались мелкой торговлей, воспитывая сына — внука Нины Павловны, которого она не видела уже года три.

Нине Павловне было далеко за шестьдесят. Она лет пять тому назад ушла с работы, живя на небольшую пенсию и деньги, которые получала от сдачи внаем комнаты.

— Ты, доню, — говорила она Татьяне, — будь осторожна в городе. Мой прежний постоялец попал под обстрел, щоб они сказылысь, тай погиб. Царство ему небесное.

Нина Павловна говорила на смеси русского и украинского языков, что нередко встречается у живущих на Украине на прежних русских землях, у тех, чьи русские родовые корни переплелись с украинскими, у тех, кто жил и работал долгое время в России или часто общался с русскими. Однако их речь была понятна как украинцам, так и русским.

Татьяне нравилась хозяйка своей опрятностью во всем, кроткой добротой и заботливым отношением ко всему, с чем ей доводилось сталкиваться в своих всегдашних заботах. Сказывалась ее долгая работа няней в больнице и вечная потребность русской женщины заботиться о ком-нибудь, будь это свой близкий человек или чужой.

Это удивительное свойство мало каким народам присуще так, как русскому.

— А я вам привезла подарок из Москвы, — и Татьяна подала Нине Павловне полиэтиленовый пакет с ручками.

— Ой, доню! Да хйба ж у тэбэ у Москви было мало забот, чтобы думать о бабке в Донецьке? — причитала она, выкладывая на стол колбасу, сыр, шпроты, ветчину, лекарства...

— Ой, спасибочки тоби, донечка, ой спасибочки! Сама-то небось и не вечерила ще? Сидай, у меня есть варена картошка да огурчики, что с лета посолила.

Татьяна вдруг почувствовала, что она до потемнения в глазах голодна, и набросилась на картошку, чередуя ее с хрусткими огурчиками из банки.

— Ну, а як же в Москви, чи думают за нас? Как нам жити? А то ж поубивают усих киевски зверюги.

— Не поубивают. Есть кому зацтитить Донбасс. Только бы народ поддержал, не отвернулся от своих защитников. Как вы думаете?

Такие разговоры редко возникали у Татьяны с Ниной Павловной. Больше все о новостях, о родичах, о бытовых нуждах...

Татьяна и спросила-то ее больше от усталости, ее уже клонило в сон. Организм, сбросив напряжение последних дней, требовал отдыха. И она, поблагодарив за ужин, ушла к себе в комнату, забралась в постель и мгновенно уснула.

Утро выдалось пасмурным, с неприятным порывистым ветром. Он кружил опавшие листья, обрывки бумаг и разный мусор, сквозняками гулял меж домов и в проемах разбитых дверей и окон. Дома потеряли разнообразие цветовой гаммы наружных стен и выглядели серыми и безжизненными. Город оделся в защитную форму, как и его жители, чтобы раствориться в осенней распутице, не привлекая чужих глаз.

Для Татьяны утро началось с посещения травматологического цент-

ра, к которому приписали реанимобиль. Она не застала его, но с удовлетворением узнала, что бригада врачей уже выехала на нем по вызову к тяжелораненому.

Татьяна вернулась в офис. Стационарный телефон, так же как и мобильный, работали с перерывами, затрудняя связь, поэтому часто приходилось пользоваться машиной Стаса там, где можно было обойтись звонком.

И на этот раз телефоны бездействовали, поэтому пришлось просить Стаса поехать по делам в самые разные места.

Во время пауз Татьяна ловила себя на том, что думает о Шали. «Этого только не хватало — влюбиться во француза».

Она еще не понимала глубину своих чувств, и вообще, как выглядит настоящая любовь.

Наверно, не так, как было у нее в школе, но и не так, как случилось сейчас в Москве.

«Тогда как?» — спрашивала она себя.

И уходила в дела, как в спасительную зону, куда мыслям о Шали вход был строго воспрещен...

Вечером в офисе они вчетвером поужинали, купив кое-какую еду в магазине. И почти уже допивали чай, когда пришло сообщение, что на южной окраине Донецка разбит миной автобус с людьми.

Когда они подъехали, там уже была машина скорой помощи. Две женщины и мальчик лет восьми лежали на обочине, накрытые черной пленкой.

Пожилая женщина в куртке с разорванным рукавом и испачканным сажей лицом говорила, срываясь иногда на плач:

— Прямо в автобус... Страшный взрыв — как полыхнет, как полыхнет! Мы побегли вперед, к дверям... Уси падали, хорошо, что шофер помогал, а то б... Ой, лихо, лихо!

Татьяна со своими помощниками занялись ранеными, обрабатывая и перевязывая легкие осколочные раны и порезы. Тяжелораненых скорая помощь увозила в 3-ю городскую больницу и снова возвращалась. Кого-то из легко пострадавших Стас отвозил домой. Только трое под черной пленкой остались на обочине. Нужно было найти и сообщить их родственникам о беде.

Татьяна смотрела на своих помощников, особенно на молодую пару из Армавира, и удивлялась их деловитому спокойствию. «Когда же они успели привыкнуть к убитым и раненым, к крови и стонам?»

Вернувшись домой и наскоро хлебнув чая, она легла спать.

А рано утром пришел ополченец и сказал, что ее спрашивает какой-то француз на пограничном пункте.

В первый момент на Татьяну обрушился целый вихрь чувств — от страха и недоумения до приятного удивления и неосознанной радости. Но когда она вышла из дома, сердце уже освободилось от сиюминутного, и осталось только радостное ожидание встречи с Шали.

Он стоял перед шлагбаумом и всматривался в дорогу, идущую в Донецк. Холодный ветер только усиливал его озноб.

У него не было уверенности, что бородатый человек в военной форме с охрипшим голосом правильно понял его английскую речь, хотя и кивал головой, и сказал в конце «о'кэй!» И найдет ли он Татьяну?

Изредка к шлагбауму подъезжали машины, но ни в одной из них Татьяны не было. Его звали погреться пограничники, он улыбался и продолжал ходить по небольшому кругу. Прошло три часа тревожного ожидания. Шали стал по-настоящему замерзать.

Наконец, он увидел, как из небольшой машины вышла она и заторопилась ему навстречу. Шали сорвался с места и побежал, потом подхватил ее, но она вырвалась, взяла его под руку и повела в погранпункт. Она долго говорила с офицером, потом взяла у Шали удостоверение сотрудника французского консульства и показала его. Офицер посмотрел и начал звонить, потом снова говорил с Татьяной и снова звонил. Наконец, она, улыбаясь, подошла к Шали и сказала, что можно ехать в Донецк.

Шали смотрел на дорогу в воронках от мин и снарядов, на разрушенные постройки и дома, упавшие электроопоры и думал, что все это похоже на то, что он видел в Сирии. Но прошлое уходило, растворялось вдали во влажной дымке, как эта израненная дорога, а новая реальность всходила приближающимся городом, и он держал руку Татьяны, боясь отпустить ее даже на миг, чтобы не потерять связующую нить его судьбы с ее судьбой. С этого момента его жизнь как бы распалась на эпизоды, связанные между собой присутствием любимой женщины, и пустоту, когда ее не было рядом. Это было похоже на кадры кинохроники, которые сопровождаются заставкой «no comment».

Они подъехали к гостинице «Киев», и Татьяна быстро все уладила с размещением Шали. Администратор предупредила, что могут быть перебои с водой и электричеством, иногда пропадает связь, и возможны обстрелы. Тогда нужно опускаться на нулевой этаж.

Шали пошутил:

— Меня защитит любовь.

Татьяна не стала переводить эти слова, но администратор, видимо, догадалась.

— А он у вас веселый.

— Французы все веселые, особенно при женщинах, — парировала Татьяна ее намек.

...Номер гостиницы. Широкая кровать, укрытая синим покрывалом. Стол у окна. Тумбочка у кровати. Журнальный столик, на котором справочники и телефонный аппарат, искусственные цветы в вазе. Два кресла.

Татьяна и Шали сели в них, придвинув почти вплотную.

— Как тебе удалось приехать сюда? Я просила не рисковать.

— Мне помогла мадам Мария. Я едва уговорил ее помочь. Ты не хотела меня видеть?

— Шали, ты знаешь, что я не безразлична к тебе. Мне радостно видеть тебя, но здесь война. Настоящая война, и я не имею права подвергать твою жизнь риску.

— А ты сама, а твоя жизнь разве не подвергается опасности? Для меня лучше самому погибнуть, чем увидеть тебя даже раненой, — Шали встал, прошелся немного по комнате и остановился возле Татьяны. — Ты тоже знаешь, что я люблю тебя. Люблю больше, чем жизнь. Это не красивые слова, а факт, это самый лучший подарок судьбы — встретиться с тобой.

Татьяна сидела, склонив голову, потом подняла ее и улыбнулась губами, глазами, маленькими ямочками на щеках, удлиненными бровями, и Шали вспомнил строчки поэта:

Когда она поднимет подбородок
И повернется, чтобы улыбнуться,
О, как это божественно!

Затем они говорили о насущных проблемах: нужно купить местную СИМ-карту для мобильного, зарегистрироваться, приобрести зимнюю одежду — вот-вот похолодает; позвонить в Гере матери и успокоить ее...

Провожая Татьяну, Шали обнял ее и поцеловал в губы, и она почти не сопротивлялась.

— Можно, я буду называть тебя Тат, как никто другой не зовет?

Офис, где работает Татьяна со своей группой волонтеров. Она представила им Шали.

— У нас пополнение — француз Шали из города Гере. Он приехал из Сирии, где работал волонтером два года. Был ранен. Я думаю, что его опыт поможет нам в работе.

Стали знакомиться:

— Вадим из Армавира.

— Оксана, тоже из Армавира.

— Мы уже знакомы, — Стас пожал руку Шали.

— А что такое Армавир? — спросил Шали Татьяну.

— Это город в России, наверно, такой же, как Гере.

...Они выехали в один из поселков, недалеко от Донецка, где ночью был артиллерийский налет и погибли целые семьи.

Там уже находились несколько ополченцев с миноискателем и служебной собакой.

Осматривали долго и тщательно каждый разбитый дом вместе с оставшимися живыми жителями, но под развалинами находили только мертвых.

Иногда все замирали и слушали тишину. Шали увидел во дворе одного разрушенного дома небольшой холмик с черным проемом сбоку и вспомнил, что крестьяне в Сирии иногда прятались в погребах под грудой песка. Он подошел к холмику и заглянул в проем. Послышался крик:

— Не убивайте нас, дяденька!

Шали полез внутрь холмика и вытащил яростно сопротивляющегося мальчика лет шести.

Шали успокаивал его, но от этого мальчик кричал еще громче, пока не подошла Татьяна. Ее тихие, ласковые слова понемногу успокоили малыша, и он сказал, что в погребе осталась его сестренка Галя.

Шали достал девочку лет четырех. Она вся дрожала и испуганно смотрела на них.

— Где ваша мама?

— В доме. Ее убило бомбой.

— А папка?

— Батьки немає.

Дети заплакали, причитая о маме.

— А вы где были, когда снаряд взорвался?

— В огороде. Морковку ели.

Дом был разрушен почти полностью. Часть крыши обрушилась. Изпод нее достали мертвую женщину, но детей к ней не пустили.

Стас забрал их в машину, и они с Татьяной и Шали увезли сирот в Донецк, в детский приют.

Всю дорогу дети плакали, размазывая слезы кулачками по бледным, худеньким лицам, на которых поблескивали по-взрослому все понимающие глаза.

— Давай зайдем в церковь, — Татьяна взяла за руку Шали и повелительно повела к входу в храм.

— А мне можно, Тат? Я ведь католик.

— Все равно ты христианин. Просто постоишь, посмотришь. Сейчас нет службы.

В храме никого не было, кроме свечницы в иконной лавке и одинокой маленькой, покрытой черным платком старушки.

Шали с удивлением рассматривал иконы на стенах, подсвечники, иконостас и алтарь. Все было красиво и торжественно.

Ему не хотелось ни говорить, ни спрашивать — он просто стоял и смотрел на строгие лица святых на иконах, на взыскующие глаза Иисуса Христа, на милосердный взгляд Девы Марии.

Татьяна поставила свечки у распятия, у Владимирской иконы Богородицы и святого Георгия Победоносца, и беззвучно помолилась.

Они выходили из храма вместе со старушкой. Уже на улице она сказала Татьяне:

— Вы еще не венчаны, но ты, доченька, не переживай. Вас Господь обвенчает.

Эти слова запали Татьяне в душу, но только через много времени она поняла, о чем сказала старушка.

...Осень уходила медленно, нехотя уступая зимнему ознобу лесá и городскую зелень, укутывая поля туманами и подмораживая ночами многочисленные лужи на дорогах.

Татьяна, хотя и не имела врачебной практики, все-таки не забывала то, чему учили в мединституте: участвовала в операциях, ухаживала за ранеными, выезжала с бригадами скорой помощи.

Шали, оставаясь один, чувствовал себя неуютно, случайным, необязательным помощником Стаса в перевозке людей и грузов. «Хорошо бы, — думал он, — научиться русскому языку, хотя он и намного сложнее английского».

Рядом с Татьяной жизнь его обретала смысл и необходимость. Мало-помалу он разобрался в причинах войны Новороссии с киевским режимом, считал ее справедливой и верил в окончательную победу народа Донбасса.

В тот день, в декабре 2014 года, он спросил Татьяну:

— Ты сможешь выполнить мою просьбу?

— Да, Шали. Если это в моих силах.

— Я тебя приглашаю в гостиницу отметить мое тридцатилетие.

— У тебя сегодня день рождения? Что же ты молчал?

И она обняла его, поцеловала в щеку.

— Поздравляю! А что тебе подарить?

— Главное, чтобы ты пришла. И если можешь, то англо-русский словарь. Ведь франко-русский здесь не найдешь?

Когда Татьяна пришла в номер Шали вечером, у него уже был накрыт по-праздничному стол, а на журнальном столике вместо искусственных стояли живые цветы.

Шали был в клетчатой рубашке свободного покроя и джинсах. Он ухаживал за Татьяной с истинно французской галантностью и нескрывае-мой влюбленностью, предлагая то вино, то коньяк, то какую-нибудь за-куску.

Татьяна принесла ему в подарок франко-русский словарь и теплый свитер.

— А еще сюрприз: я случайно встретила среди ополченцев двух фран-цузов-добровольцев. И завтра мы поедем с тобой к ним на блокпост.

— Тат, ты просто волшебница. Ты — судьба моя! Я это понял еще на Бородинском поле.

Коньяк, интимная обстановка и главное — обоюдная влюбленность разрушили последние бастионы сдержанности, и пир застолья превратил-ся в пир любви, безудержный, пылкий, нежный, сжигающий все прегра-ды к обладанию друг другом. Время перестало существовать для них.

Потом они лежали, усталые и счастливые, на разнимая соединенных рук и не произнося ни слова. И только за полночь Шали проводил Татья-ну домой.

— Тат, я люблю тебя! Единственная моя!

— Я тоже люблю тебя, Шали! Будь осторожен, милый!

Когда он вернулся в гостиницу, дежурная укоризненно посмотрела на него:

— Не надо бродить ночами, мсье. Это опасно.

...Они приехали на блокпост, и Татьяна, спросив о чем-то одного из ополченцев, повела Шали в укрытие, подобие блиндажа.

— Вот и твои земляки. Знакомьтесь.

Двое в армейском камуфляже быстро поднялись, подошли и после нескольких слов обнялись с Шали. Они говорили, перебивая друг друга, хлопая по плечам и улыбаясь, и Татьяна вышла, чтобы не мешать встре-че соотечественников.

Возвращаясь в машину Стаса, Шали сказал Татьяне:

— Тат, не сердись на меня за то, что я скажу. Мне это необходимо сде-лать, иначе я перестану себя уважать. Мы все равно будем рядом. Это ничего не меняет в моем отношении к тебе. Я люблю тебя с каждым днем все сильнее. Но я должен был это сделать.

— Шали, ты меня пугаешь. Что случилось?

— Тат, я решил пойти в ополченцы. Мужчины должны быть воина-ми, когда нужно защитить справедливость. У нас есть поговорка: *a la Guerre comme a la Guerre*: воевать — так по-военному, можно и так ска-зать. И мне будет стыдно перед земляками, если я буду просто волонте-ром, не взявшим оружие в руки. Ты должна меня понять, ты же умница.

Татьяна была не в силах сказать ни «да», ни «нет». Непонятное, необъяснимое предчувствие беды мешало ей. Она понимала, что иначе поступит Шали не мог, он чуть ли не с первых дней после приезда в До-нецк испытывал неловкость перед людьми с оружием в руках. Но поче-му ей так тревожно за него?

Раставаясь, она обняла его и долго не отпускала, тихо говоря:

— Милый мой! Наверное, ты прав. Я не имею права переубеждать тебя. Но у меня почему-то болит сердце от мысли, что может случиться с тобой. Я не переживу этого.

— Тат, у нас все будет хорошо, и мы с тобой поедем в Мурманск и Гере, чтобы нас благословили наши матери.

Приближался Новый год. Бои почти не стихали, принося все новые жертвы.

Шали и Татьяна встречались то на передовой, когда она привозила продукты и перевязочный материал, то в гостинице, куда изредка приезжал Шали, то в городе. Оставаясь наедине, они давали волю чувствам, которые только усиливались в их коротких разлуках.

Уже невозможно было это скрывать от посторонних глаз, и Нина Павловна говорила Татьяне:

— Доню, не всяка любовь свитэ яко солнышко. Бывает, что тьмой ляже на душу. Храни тэбэ Боже от этого лиха.

«Тьма на душе, когда в ней нет любви», — думала Татьяна, вспоминая свое состояние до встречи с Шали. Но ее беспокоило другое.

По делам устройства детей-сирот надо было ехать в Москву, но она все откладывала поездку, будто ждала чего-то.

И это случилось.

Ей позвонили с блокпоста, где воевал Шали, и попросили срочно приехать. Лучше бы на машине скорой помощи.

У нее непроизвольно защемило сердце, и подступили слезы. Она бросилась разыскивать реанимобиль, и уже через четверть часа мчалась на нем к Шали. Она чувствовала, что именно с ним что-то произошло. И молилась: только бы был живой, только бы живой!

Он лежал на носилках под байковым одеялом. Глаза были закрыты, на лице застыла болевая гримаса. Татьяна кинулась к нему, сдернула одеяло и увидела, что вся правая нога в крови, кровь была на шее и на плече. Шали отнесли в реанимобиль, он тихо стонал, и Татьяна зарыдала. Силы оставили ее. Она упала на пол, теряя сознание. Ее перенесли на топчан, где обычно спал Шали, врач поднес к носу ватку, смоченную нашатырем, и Татьяна очнулась.

— Нельзя же так, милая! Вы медик и не должны падать в обморок при виде крови, — сказал ей врач. — А я нужен там, раненому.

Он ушел, а Татьяна не находила сил, чтобы пойти к Шали. Она сидела и трогала свои ватные ноги, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Наконец, спросила:

— Как это случилось?

— На нашей mine подорвался киевский БТР, видимо, ходил в разведку. Мы заметили, что около него копошились двое, похоже, раненые. К ним пошла группа, в которой был и Шали. Когда подошли к БТРу, силовики начали садить по нему из миномета. Они часто добивают своих раненых, чтобы те не попали в плен. Шали потащил одного, вроде как поляка, и в это время близко разорвалась мина. Наверно, Шали прикрывал его, потому что раны со стороны спины. А поляк еще до обстрела был тяжелым, когда подорвался БТР. Второй ихний, легко раненый, хотел сдаться, но попал под прямое попадание.

Когда мы тащили Шали, он спрашивал:

— Где Роберт?

Татьяна ничего не понимала. Только в Донецке, в травматологическом центре, куда положили Шали, она вспомнила, что он рассказывал про поляка, с которым лежал в больнице Дамаска.

Хирург из реанимобиля, уезжая, сказал Татьяне, что раны у Шали серьезные и предсказать исход борьбы за его жизнь он бы не взялся.

— Осколки, что были в нем, мы вытащили. Трудно будет спасти ногу, сильно повреждена голень. Теперь многое зависит от его организма.

Шали лежал в палате, где было еще пятеро раненых. Он то приходил в сознание, ясное, не замутненное болью, рассматривал палату, людей, пока взгляд не находил Татьяну, сидящую рядом на стуле, то снова проваливался в болевой морок. Потом вдруг боли отступали, и он мог произносить отдельные слова:

— Тат...

— Что, милый? Не говори ничего. Тебе нельзя. Я с тобой, все будет хорошо.

— Тат... Прости... Мина... Роберт...

— Да, родной. Я все понимаю. Поляк тоже здесь, на соседней кровати.

Боли усиливались, и Шали снова проваливался в забытие, и ему виделся вестибюль московской гостиницы, и из лифта выходит Татьяна в длинном платье с широкими рукавами...

Приходила сестра, делала укол, и Шали засыпал.

Татьяна уходила домой, покупала по дороге курицу и просила Нину Павловну сварить бульон. Потом снова шла в больницу и всю ночь сидела рядом с Шали, выносила «утку», меняла простыни, бинты, вытирала ему лицо влажной салфеткой...

Дня через три лицо Шали вдруг посветлело, глаза наполнились живым блеском, и он стал тихо говорить:

— Тат, я понял, о чем тревожилась птица на Бородинском поле. Она предупреждала меня, заклинала меня не ехать. Но мертвые не все знают о живых. Они забывают, что такое любовь.

— Шали, не надо о мертвых. Жизнь принадлежит живым. И ты будешь жить.

— Не знаю, Тат. Под болью, глубже ее, я чувствую холод, он постепенно охватывает мое тело. И я боюсь его больше, чем боюсь боли. А что с Робертом? Я бы хотел задать ему один вопрос.

— Ему плохо. Он держится на уколах и капельницах. Наши предлагали силовикам забрать его без обмена, но они отказались.

— Тат, не сообщай маме, если меня не станет. Пусть она думает, что я сражаюсь где-то за справедливость. Ты любишь меня?

— Да, Шали, я очень люблю тебя.

— Не оставляй меня, Тат.

— Я не оставляю тебя никогда.

...Прошел еще день. Люди готовились встречать Новый год. В палате повесили елочные игрушки. В шарах отражались капельницы, кровати и «утки» возле них.

Очнувшись от тяжелого сна, Шали не увидел рядом Татьяны. Он отвернулся в другую сторону. Лежащий на соседней кровати чуть приподнял забинтованную голову и тихо спросил:

— Это ты, Шали?

Между бинтами виднелись нос и глаза, но Шали узнал его.

— Роберт! Как ты оказался здесь? Ты же говорил, что больше никогда не будешь заниматься грязным делом.

— Деньги, Шали. Здесь хорошо платят наемникам.

— А убитые дети, старики?

— Слунтяйство все это. Каждый делает деньги, как может. Но все кончено. Если выживешь, сообщи родителям в Краков. Адрес под подушкой.

Пришла медсестра и что-то резкое сказала Роберту. Потом сделала ему укол. Подошла к Шали, посмотрела ногу и быстро ушла. Вскоре пришел врач. Снял бинты с ноги и позвал медсестру.

После укола Шали стал проваливаться в радужное, светлое облако и не слышал, как пришла Татьяна, как ему сделали еще укол и перевезли в операционную.

...Очнулся он через двое суток. Татьяна держала его руку, сжимая запястье.

Он попытался улыбнуться, но вышла какая-то несуразная гримаса. Шали повернул голову к Роберту. Он лежал укрытый с головой белой простыней.

Шали машинально подумал: «Вот так же лежал Соберг в Дамаске. Значит, Роберта больше нет, и его скоро унесут».

Эта мысль никак не затронула Шали, пришла, скользнула, как тень, в пустоту и забылась.

Татьяна что-то говорила, но он сосредоточился на ощущении, что боль в ноге поднялась выше, к самому колену и стала другой.

— Тат, что со мной? Я долго был без сознания?

— Лежи, милый. Теперь будет все хорошо.

— Почему теперь?

Татьяна гладила его руку и молчала. Потом подошла медсестра, сделала укол и равнодушно сказала:

— Завтра будем встречать Новый год. Дай Бог, чтобы он был лучше этого. Нет уже мочи все это видеть.

— Хирург в больнице? — спросила Татьяна медсестру.

— Лег отдохнуть. Ночью была операция. Он придет к вам.

Чтобы успокоить Шали, Татьяна стала рассказывать, как они встречали однажды Новый год в институте.

— Мы большой компанией уехали в Подмосковье, в лес. Нашли хорошую поляну, развели костер, на ближнюю ель навешали яблоки, мандарины, конфеты, а в снег попрятали подарки для каждого. Пели песни под гитару, зажаривали на костре сосиски, шашлык, картошку... Потом искали свои подарки в снегу.

Татьяна смеялась, но глаза у нее были грустными, мысли — о чем-то другом, и она то и дело поглядывала на дверь.

— Шали, я пойду к врачу, — сказала она не в силах больше ждать, когда он придет сам.

Хирург пил чай в ординаторской. Полноватый мужчина с толстыми пальцами не очень-то, по мнению Татьяны, походил на хирурга.

Но репутация у него была превосходная, пациенты ему доверяли, будучи уверенные в благополучном исходе, если операцию проводил он.

— Олег Николаевич, ампутация голени у Шали была неизбежна?

— Да. Мы затанули с этим. Надо было бы раньше сделать. Кость была повреждена в нескольких местах. Но меня в настоящее время больше беспокоят его легкие. Осколок изъяли, но правое легкое в безнадежном состоянии.

— Хватит ли у Шали сил перенести две операции? Я боюсь за него.

— Если операцию не делать, сил потребуется еще больше, чтобы жить на этом свете. Сейчас его нужно поддержать. Вы, Танечка, успокойте его, подкормите. Не говорите о проблеме с легкими. Так будет лучше.

...Шали лежал с закрытыми глазами, по щекам медленно сползали слезы, и он не вытирал их, ощупывая руками правую ногу. Лицо было напряженным и бледным. Он открыл глаза.

— У меня отняли ногу, у меня отняли ногу, — повторял он, словно хотел убедить себя в этом факте.

— Тат, что теперь будет? Как я смогу жить?

Татьяна прильнула щекой к его лицу, чтобы он не видел ее слез.

— Шали, милый мой, не надо отчаиваться. Сейчас протезы делают так, что они лучше ног. Ведь колено осталось, а это главное. Прошу, не мучай себя.

Она снова повторила:

— Теперь будет все хорошо.

Татьяна хотела покормить его, но он отказался. Снова закрыл глаза и молчал.

Только на следующий день, когда она принесла еловую пахучую веточку, письмо от земляков с блокпоста с пожеланиями счастливого Нового года и подарки, Шали успокоился, улыбнулся и попросил что-нибудь поесть.

— Тат, я бы сейчас выпил виски или водки. Ты сможешь принести?

— Я уже принесла.

Она налила полстакана коньяка, на тарелку положила домашний пирожок, помидор, ломтики ветчины, сала, сыр и конфеты.

— А ты разве не выпьешь?

Татьяна покачала головой: «Вечером...»

К ночи пришли к больным и раненым родственники, друзья. Палата наполнилась шумной суетой, запахами домашней еды и новогодних свечей, приглушенным смехом и тихим плачем.

— Тат, какое желание ты загадала на Новый год?

— Чтобы ты был живым и здоровым, и чтобы пришел мир на землю Донбасса.

— А что загадал ты, Шали?

— Чтобы ты была счастлива.

Долгая новогодняя ночь прошла в разговорах, полудремоте и отдаленных взрывах: война напоминала о себе.

Татьяна ушла утром в тягостном состоянии, оставив заснувшего Шали.

Потом она приходила к нему каждый день, принося какую-нибудь еду, но он почти ничего не ел, в забытьи стонал, а когда открывал глаза, молча смотрел в пространство за окном.

— Тат, — иногда тихо говорил он, — ты любишь меня? Не уходи, Тат...

В канун православного Рождества его не стало.

Похоронили Шали на братском кладбище, где хоронили погибших ополченцев.

А еще через неделю Татьяна уже знала, что у нее будет ребенок. Ребенок от Шали. Она уехала в Москву и стала собираться во Францию, в Гере, к матери своего единственного возлюбленного, мужа и неодолимой печали несостоявшегося счастья.

